

Железнодорожный вокзал построили давно, так что местная планировка совсем не подходила под современный ритм — пробки возникали на пустом месте. Неудивительно, что Чи Е предпочел мотоцикл: ловко лавируя по узким улочкам и виляя в переулках, он мчал с лихой скоростью.

Тун Хуайцин прижимался к спине Чи Е, ощущая сквозь ткань его живое, плотное тепло. Прижмурившись от встречного ветра, он улавливал едва различимый запах табачного дыма и машинного масла. Под выкрики уличных торговцев провинциальный городок лениво потягивался, неторопливо погружаясь в полуденную дремоту.

Казалось, в таких местах даже прохожие шагают куда медленнее, чем где бы то ни было.

Убедившись в предпочтениях Чи Е, Тун Хуайцин, как ни странно, почувствовал странный покой. Прижавшись щекой к его широкой спине, он разглядывал мелькавшие мимо пейзажи: тётушка у входа в закусочную суетилась, перебирая соевые бобы, старик-рыбак крутил педали велосипеда в поисках речки, торговка одеждой поправляла вешалки под навесом. И лишь рыжий пес возле акации демонстрировал крайнюю степень лени, уткнувшись носом в собственный хвост.

Даже сутолока у вокзала дышала уютным домашним теплом — простая, бесхитростная жизнь без лишней суеты.

Затормозил Чи Е на довольно просторной площади перед кассовым залом. Тун Хуайцин слез с мотоцикла, снял шлем и протянул его владельцу.

Чи Е тоже снял шлем, но с сиденья не слез, упершись длинными ногами в асфальт.

— Значит, внутрь не провожаю?

— Угу.

Сентябрь — не сезон для поездок, поэтому прохожих и зазывал вокруг хватало едва-едва. Пара таксистов порывалась подойти, но, разглядев суровое лицо Чи Е, тут же заминалась и молча отходила в сторону.

Тун Хуайцин поправил лямку рюкзака:

— Попрощайся за меня с ребятами.

— Идет, — кивнул Чи Е.

Повернувшись, он отпер кофр мотоцикла и достал пакет с боярышником и инжиром —

перекусить в дороге, если захочется пить или просто скрасить путь.

Это расставание отличалось от прежнего, вызванного ссорой, когда достаточно было просто вернуться и поговорить. Пронизывающий осенний ветер шевелил тонкую одежду Тун Хуайцина, на чьих щеках проступал легкий румянец. Чи Е не удержался и добавил:

— Дома одевайся теплее. И лекарства вовремя пить не забывай.

— Ладно, буду помнить, — кивнул Тун Хуайцин, забирая пакет. — Спасибо тебе.

Помолчав мгновение, он произнес:

— Ну, я пойду.

Тун Хуайцин стоял на ступенях площади, а Чи Е сидел на мотоцикле чуть ниже, так что теперь не приходилось задирать голову или становиться на цыпочки — их взгляды встретились на одном уровне. Темные глаза Чи Е казались непроницаемыми. Случайная встреча длиной в две недели для него, вероятно, была лишь очередным эпизодом: две линии пересеклись на миг, чтобы тут же устремиться в противоположные стороны.

Опустив ресницы, Тун Хуайцин не стал больше ничего говорить и повернулся к вокзалу.

В тот же миг взревел мотор — Чи Е выкрутил ручку газа до предела, и слитный рык мотоцикла начал стремительно удаляться.

Рюкзак за плечами не весил почти ничего.

И все же путь до кассового зала занял у Тун Хуайцина хороших минут десять.

— До города, кому в город? Недорого!

— Мототакси! Кому доехать?

— Рисовые пирожки с редькой! С пылу с жару!

Тун Хуайцин пробирался сквозь толпу с отрешенным лицом, то и дело уворачиваясь от прохожих, пока перед ним с таинственным видом не возник мужчина в плаще. Тот с коротким шуршанием распахнул полы.

— Красавчик, диски нужны? Любой жанр!

«И надо же, вот почему плащ так тяжело висит», — с ошеломлением подумал Тун Хуайцин.

Вся изнанка от верха до самого низа была сплошь увешана дисками.

— На любой вкус есть, — зашептал мужик, понижая голос. — Товар полный: Европа, Япония, Гонконг... Эй, ты куда, стой!

Опустив голову, Тун Хуайцин молча ускорил шаг. Поднявшись по лестнице, он вошел в кассовый зал. Здесь было куда спокойнее и упорядоченнее, чем снаружи. У трех окошек стояли невеликие очереди из рабочих-мигрантов с большими баулами, тихими голосами переговаривавшихся между собой.

Он тихо вздохнул.

На этот раз мысли оставались ясными, он не станет, как в прошлый раз, сгоряча уезжать за кем-то в неизвестные края. В кассовом зале скамеек для отдыха не предусмотрели, поэтому Тун Хуайцин некоторое время просто простоял, разглядывая носки своих туфель, а затем неторопливо направился к небольшому магазинчику неподалеку.

Хозяйка за конторкой лениво щёлкала семечки, перед ней стоял холодильник, накрытый плотным ватным одеялом. Не успел Тун Хуайцин открыть рот, как женщина звонко выкликнула:

— Позвонить — пять цзяо! Мороженое — всё по юаню, оптовая цена!

Черный стационарный аппарат видел виды: витой шнур растянулся и свисал почти до самого пола.

Тун Хуайцин удерживал трубку чуть на расстоянии от уха. Нажав последнюю цифру, он замер в ожидании ответа.

Вскоре на том конце провода раздался бойкий голосок:

— Алло, кто это?

Тун Хуайцин машинально накручивал шнур на палец. Он всё же решил набрать Хуан Лянляна. Тот приходился ему другом детства — ветреный, обходительный мажорчик, умевший говорить самые изысканные комплименты. Словно певчая птичка, он порхал по всевозможным компаниям и кругам, демонстрируя поразительное жизнелюбие и гибкость. За долгие годы знакомства рядом с ним Тун Хуайцин научился хотя бы иногда снимать броню и делиться сокровенным.

— Эй... Хуайцин, ты? — Лянлян сориентировался мгновенно. — Если ты, постучи три раза по столу.

Пальцы еще сильнее натянули витой шнур.

— Да, это я.

Хуан Лянлян тут же возбужденно выпалил:

— Ну слава богу, заговорил! Дружище, ты даешь!

Долгая терапия, медицинские препараты и сеансы психологов смогли лишь удержать его на самом краю пропасти, но так и не вытащили на твердую землю. Устроив разгром и оставив после себя лишь осколки, Тун Хуайцин все равно сбежал очертя голову.

И вот, пропав без вести на две недели, он, кажется, пришел в себя.

— Ты... неужели можешь вот так просто разговаривать по телефону? — все еще удивлялся Лянлян. — Все думали, ты махнул на юг, скоро ведь похолодает. Ты же каждый год уезжал туда зимовать, но код города, откуда ты звонишь, что-то совсем не похож...

— Я не на юге, — перебил его Тун Хуайцин.

— Дорогой мой, да куда ж тебя занесло?!

Лянлян тараторил без остановки:

— Я же от отца ничего скрыть не смогу! Ты мне набрал, они теперь по звонку сразу тебя вычислят! Господи, родной мой, ну ты хоть...

Крепко сжав в кулаке пластмассовую спираль шнура, Тун Хуайцин тихо усмехнулся:

— Я знаю.

Если бы его действительно хотели найти, искали бы не в уезде Аньчуань.

А подняли бы записи этого стационарного телефона, чтобы узнать, куда именно он собирается отправиться дальше.

Самое темное место — под свечой.

— Все в порядке, я побуду здесь еще пару дней, — подумав, добавил Тун Хуайцин. — Не волнуй...

— А за фортепиано ты когда вернешься? Сколько можно пропускать?

Аппарат был древним, и трубка в руке быстро нагрелась.

— Я больше не смогу играть.

Ответил он без единой секунды промедления.

— Разве вы все не знали этого с самого начала? — равнодушно бросил Тун Хуайцин.

— Слушай, ну дружище...

— Если больше ничего нет, я повешу трубку. Со мной все хорошо, не переживайте.

Где-то под потолком зашуршал громкоговоритель, объявляя о прибытии поезда для очередных странников.

Раздался резкий щелчок: трубка со стуком опустилась на рычаг, с первого раза не попав в пазы.

Торговка аж приподнялась с места:

— Эй, парень, ты чего разбушевался?!

Грудь Тун Хуайцина тяжело вздымалась. Постояв пару мгновений и глядя на свои дрожащие пальцы, он снял рюкзак, чтобы достать бумажник. Но, взглянув на ткань, обомлел.

На рюкзаке красовался ровный, длинный порез!

Изнутри исчезло абсолютно всё — не то что бумажник, но даже документы.

— Ого, — высунулась хозяйка. — Это тебя когда успели? Я и не заметила ничего.

В то самое время, пока он разговаривал по телефону.

Каким бы утонченным умом ни обладал Тун Хуайцин, житейской сметки у него не водилось

вовсе. Ему и в голову не приходило, что в толпе рюкзак следует перевешивать на грудь, как делают бывалые путешественники, зашивающие деньги во внутренние швы. В прошлый раз в поезде у него ничего не умыкнули лишь потому, что он не сомкнул глаз ни на минуту, таращась в темноту, словно сова.

Наличность и документы лежали в чехлах ручной работы от французских мастеров. Карманник едва ли разбирался в изысках высокой моды, но, нащупав сквозь порез плотный материал, с легкостью сцапал всё, что попало под руку.

Тун Хуайцин ошеломленно хлопал глазами, не в силах перевести дыхание и глядя на дыру шириной в четыре пальца.

Хозяйка зачерпнула еще горсть семечек и, сжавшись, вздохнула:

— Поищи в урнах снаружи. Наличность-то воры себе забирают, а бумажки да коробочки им без надобности — наверняка там и бросили.

Тун Хуайцин заторможенно кивнул. Порывшись в боковом кармашке, он отыскал одинокую монетку в один юань и протянул её женщине.

— Спасибо вам.

Солнце медленно опускалось к горизонту, вокруг гудела толпа. Тун Хуайцин сидел в зале ожидания, отрешенно глядя на свои сцепленные пальцы.

Рыться в мусорных баках он бы не стал. Ни за что на свете.

Живот сжимало от голода и жажды. Ему страшно захотелось инжира из того пакета, но тут он вспомнил: воришка прихватил и его.

Сам виноват — из опасения потерять привязал кулек прямо к бегунку молнии.

Поднявшись, он вышел на улицу. Откуда-то доносился сладковатый аромат жареных каштанов, на лотках аппетитно скворчали свежие пирожки и жареные булочки с зеленью, с которых на подносы стекало масло.

Возле зеленого мусорного бака стоял нищий старик. Контейнер только что опустошили, поэтому на дне осталась лишь легкая кислая вонь. Старик дергал связку пластиковых бутылок, затем поднял тяжелые, покрытые морщинами веки и равнодушно протянул к прохожим надколотую пиалу.

Тун Хуайцин подошел и опустил в посудину сдачу — монетку в пять цзяо.

Нищий никак не отреагировал и лишь побрел дальше, шурша бутылками.

Закат раскинулся по небу пылающими багровыми облаками — яркими до рези в глазах.

Тун Хуайцин вернулся в зал ожидания. Откинувшись на холодную металлическую спинку кресла, он прижал рюкзак к животу, пытаясь заглушить подступающую, все более резкую боль в желудке.

Сознание затуманилось: он то ли погружался в небытие, то ли продолжал обостренно всё чувствовать.

Вокруг непрерывным потоком сменялись люди. Свет под потолком не гас, стирая границы между днем и ночью. Ему было слишком лень даже поднять взгляд на настенные часы, и единственным, что пробивалось сквозь пелену, оставался гулкий стук собственного сердца.

Совсем как тогда.

Ему нельзя слышать само слово «фортепиано».

Перед глазами плавала бледная алая дымка, а шум станции уходил куда-то в глубину. Сколько прошло времени — неизвестно. Сквозь липкое полузабытье он ощутил, как чья-то широкая, сильная ладонь сжала его запястье и одним рывком подняла на ноги.

Тун Хуайцин вздрогнул. От долгого неподвижного сидения затекшие ноги свело судорогой, и он беспомощно рухнул обратно на сиденье.

Чи Е шлепнул его по бедру — не сильно, но достаточно, чтобы Тун Хуайцин болезненно зашипел от острой вспышки.

— Я разрешал тебе дергаться?

От него разило табаком, лицо оставалось хмурым, а во взгляде читалась суровая злость.

— У меня ноги... затекли, — прошептал бледный Тун Хуайцин.

Чи Е смерил его взглядом, держа сигарету в зубах, и усмехнулся, чуть наклонив голову:

— Терпи.